

72 стр 1-183 1201

РЕЛИГІИ ВОСТОКА:

КОНФУЦІАНСТВО, БУДДИЗМЪ И ДАОСИЗМЪ.

Не копировать

СОЧИНЕНІЕ

В. ВАСИЛЬЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, (Большая Садовая ул., д. № 49—2).

1873.

РЕЛИГИИ ВОСТОКА:

КОНФУЦИАНСТВО, БУДДИЗМЪ И ДАОСИЗМЪ.

Мы не полагаемъ, чтобы нужно еще было доказывать, что человеку долженъ быть всего дороже человекъ. Если нынѣ считается уже необходимымъ изученіе, какъ окружающей насъ, такъ и отдаленной и сокровенной отъ насъ природы, то тѣмъ болѣе должна интересоваться всякаго образованнаго человекъ, какъ ближайшая настоящая, такъ и прошедшая судьба его собратій — близкихъ ли, отдаленныхъ ли, все равно. Еще болѣе онъ не можетъ не сочувствовать ихъ радостямъ и напастямъ, волненіямъ и тревогамъ, мнѣніямъ и ученіямъ, занимавшимъ и занимающимъ ихъ духъ и сердце. Сколько поучительнаго найдеть и для себя мыслитель въ этомъ знакомствѣ!... Отъ сколькихъ, можетъ-быть, ошибокъ и заблужденій предохранить онъ себя несчастными примѣрами своихъ собратій, ихъ тщетными попытками, ихъ разоблаченными тайнами, низведенными съ высокаго пьедестала ученія на низкій уровень невѣжества!

Отдаленный востокъ тоже населенъ нашими братьями; они имѣютъ свою исторію, свое развитіе, свои взгляды. Если мы изучаемъ западъ потому, что находимъ, можетъ быть, его исторію болѣе оживленною, его учрежденія болѣе совершенными, взгляды болѣе возвышенными, то все же это не даетъ намъ права игнорировать человекъ на другихъ окраинахъ свѣта. Всецѣлое изученіе человекъ должно дать намъ возможность къ большому сосредоточенію въ самихъ себѣ, къ ориентированію въ различныхъ проблескахъ мысли; если мы будемъ изучать человекъ, стоящаго даже на низшемъ противъ насъ уровнѣ, то это только укрѣпитъ насъ въ сознаніи, что наши цѣли и стремленія болѣе возвышенны, имѣютъ болѣе прочное основаніе и болѣе побудительныя причины.

Ничто не можетъ такъ познакомить насъ съ человекомъ, какъ его религія. Положимъ, что западное образованіе нынѣ занято та-

кими многочисленными и разнообразными вопросами, что въ ихъ средѣ какъ-бы тонуть вопросы религіозные; но другіе люди нисколько еще не выступили на подобную колею. Мы знаемъ, что для изученія еврея или магометанина, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, непременно нужно изучить его религію,—отъ нея зависятъ законодательный, политическій и общественный строй, она поселяется въ сердцахъ, направляетъ умъ. Точно то же самое мы должны сказать и объ религіяхъ крайняго востока, съ которыми предположили познакомить читателя. Знакомство съ этими религіями до сихъ поръ едва-ли выходило изъ круга лицъ, специально изучавшихъ ихъ; правда, мы имѣемъ въ Европѣ не мало ученыхъ работъ по этой части, но наука, въ этомъ случаѣ, имѣетъ тотъ недостатокъ, что если она обнимаетъ цѣлый предметъ во всей его обширности, то недоступна простому смертному по утомительной многотомности; если же разрабатываетъ какую-нибудь отдѣльную часть предмета, то благодаря тому же томительному многословію, подкрѣпляемому еще цитатами или сличеніями спорныхъ вопросовъ, ставитъ неподготовленнаго читателя совершенно въ тупикъ: онъ не знаетъ, о чемъ тутъ говорится, и какое отношеніе имѣетъ взятая часть къ цѣлому предмету. Сверхъ того, взятая нами религіи и мало разработаны въ цѣлости; онѣ едва-ли знакомы въ ихъ конечномъ развитіи и ученому міру. Охватить существенное значеніе каждой религіи въ ея полномъ составѣ, безъ всякихъ лишнихъ цитатъ, не обращая вниманія на мелочи—вотъ цѣль настоящей статьи. Не знаемъ только, сумѣемъ ли мы передать это такъ, какъ желали бы; между читателемъ и ученымъ можетъ быть большая пропасть, и имъ трудно сойдтись на той точкѣ, на которой можно было бы понимать другъ друга; ученому всегда кажется что онъ говоритъ съ ученымъ о предметахъ уже извѣстныхъ въ главномъ содержаніи, и потому онъ опускаетъ объясненіе мелочей, терминовъ, которые не худо было бы объяснить. Но съ другой стороны, ученый не можетъ быть и увѣренъ, что то, чтò онъ можетъ сказать, дѣйствительно заинтересуетъ читателя. Потому мы просимъ смотрѣть на этотъ первый опытъ, какъ только на вступленіе къ болѣе пространному труду, если на него только явится требованіе. Авторъ посвятилъ не мало лѣтъ на изученіе предмета, о которомъ онъ трактуетъ теперь такъ легко и поверхностно; для него было бы легче написать огромные томы, но опытъ показываетъ, что ученый міръ находитъ возможнымъ обходиться и безъ нихъ; впрочемъ, надобно замѣтить, что авторъ, пиша для публики, сообщаетъ многое неизвѣстное и уче-

ному міру, вносить новые взгляды, новые факты, которые когда-нибудь будут разрабатываться специалистами.

Поводомъ къ настоящей статьѣ были лекціи, читанныя въ пользу студентовъ С.-Петербургскаго университета въ 1871 году. Но авторъ не могъ, конечно, въ двухъ лекціяхъ сообщить все, что было нужно, и не былъ на столько самонадѣянъ, чтобы требовать еще болѣе продолжительнаго вниманія. Другой поводъ: это — защита той идеи, которую авторъ проводилъ уже нѣсколько лѣтъ назадъ, и которая обратила на себя вниманіе только въ послѣднее время, когда статья, въ которой она была высказана, была переведена на англійскій языкъ. Мы говоримъ о томъ, что магометанство угрожаетъ охватить собою весь востокъ, и что такимъ образомъ просвѣщенію предстоитъ новая борьба, которая неизвѣстно чѣмъ еще кончится. Для многихъ мысль наша кажется неосуществимою; но гдѣ на это существенное опроверженіе? Мы видимъ, что на всемъ древнемъ материкѣ христіанство почти нисколько не подвигается впередъ; самой Россіи едва-ли удастся въ годъ обратить въ православіе нѣсколько тысячъ — и то язычниковъ, а не магометанъ; европейскія миссіи въ Индіи и Китаѣ представляются грубымъ пуфомъ, какъ это показали возстанія магометанъ въ Индіи и недавняя Тяньцзиньская рѣзня въ Китаѣ. Между тѣмъ, магометанство двигается вѣрными шагами; оно распространяется, какъ во внутренности Африки, такъ и Китая. Могутъ ли представить ему отпоръ религіи послѣдняго? Пусть читатели сами судятъ объ этомъ изъ того очерка, который мы имъ предлагаемъ; но съ нашей стороны, мы считаемъ, однакожъ, обязанностію обратить ихъ вниманіе на то, что магометанство двигается на востокъ по пятамъ буддизма, смѣняя его всюду, какъ въ Индіи, такъ и въ Афганистанѣ и Туркестанѣ. Магометанство, казалось, совсѣмъ не было знакомо Китайцамъ; такъ думалъ нашъ ученый міръ, и вдругъ оказывается, что магометанъ на востокѣ едва-ли не болѣе, чѣмъ на западѣ.

Кромѣ того, изученіе востока, а слѣдовательно, и его религій, имѣетъ для насъ, Русскихъ, особенный интересъ; оно возбуждается не простымъ диллетанствомъ въ наукѣ, но и существенно для насъ потребностію. Фраза: „привзаніе Россіи — просвѣщать востокъ“ не есть пустое выраженіе. Мы просвѣщаемъ его, расширяясь въ немъ, и нельзя еще опредѣлить границъ, гдѣ мы остановимся. Насъ толкаетъ въ Азію неизбѣжный ходъ историческихъ событій, даже противъ собственной воли.

При этомъ нашемъ положеніи на востокѣ, нужно ли и говорить

о необходимости съ нашей стороны его изученія? Положимъ, что мы призваны туда не для поддержки старыхъ порядковъ, а для введенія реформъ, которыя будутъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ мы сами болѣе усвоимъ европейскую цивилизацію; но для того, чтобы сѣять реформы, все же надобно знать почву, на которой мы хотимъ собирать жатву, и такая важная задача уже необходимо требуетъ изученія. До сихъ поръ мы являлись на востокъ какъ-бы на обумъ, безъ всякаго приготовленія: не отсюда ли и ропотъ на дорогую стоимость для насъ же этого нашего появленія?

Но если бы даже всякое наше расширеніе остановилось, если бы мы отказались даже и отъ самыхъ торговыхъ сношеній съ востокомъ—то недостаточно ли однѣхъ тѣхъ земель, которыми мы уже обладаемъ, тѣхъ народовъ, которые находятся уже въ дѣйствительномъ нашемъ подданствѣ, изъ котораго, надѣмся, они никогда и не выйдутъ, для того, чтобъ изученіе востока было для насъ необходимо? У насъ столько азіатскихъ племенъ—Грузинъ, Армянъ, Турокъ, Монголъ, народовъ Маньчжурскаго, Финскаго племени; у насъ столько чуждыхъ религій—іудейство, магометанство, буддизмъ, шаманство. Въ настоящее время, съ занятіемъ Кульджи, между нашими подданными являются конфуціане и даосисты. Ужели всѣ эти предметы не требуютъ изученія? Мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько примѣровъ въ доказательство того, что если бы мы были болѣе знакомы съ религіею своихъ инородныхъ подданныхъ, то не разъ могли бы избѣгнуть многихъ затрудненій, въ которыя часто были поставляемы.

Долго еще послѣ того, какъ Русскіе, перейдя черезъ Байкаль, покорили жившихъ тамъ Бурятъ, между Бурятами не было извѣстно ни одного поклонника ламаиства; всѣ они были шаманы. Уже только послѣ заключенія Кяхтинскаго трактата, въ 1727 году, Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ, къ нимъ перешли изъ Монголіи 12 ламъ, и они начали дѣло обращенія инородцевъ подъ русскимъ владычествомъ. Ламы сначала дѣйствовали кроткими мѣрами: они учили калѣкъ, людей, считавшихся неспособными у кочеваго народа, и разумѣется, достаточно было небольшой грамотности, которая развиваетъ языкъ, дѣлаетъ краснобаемъ всякаго въ средѣ невѣжественной толпы, чтобы показать, что буддійская религія способна творить чудеса, сдѣлать изъ никуда негодныхъ людей—людей достойныхъ. Утвердившись, ламы приняли другую политику; пріобрѣтя вліяніе между значительными лицами, они начали преслѣдовать шамановъ и ихъ приверженцевъ—грабили ихъ, убивали, даже жгли. И это—подъ русскимъ вла-